

Маша Дубровская

ИЗМЕНА

Вера, Нагехжа и Кирилл

Маша Дубровская

Измена. Вера, Надежда и Кирилл

«Автор»

2026

Дубровская М.

Измена. Вера, Надежда и Кирилл / М. Дубровская — «Автор»,
2026

Сестра-близняшка Надя возвращается из отпуска загорелой и счастливой и прямо из аэропорта приезжает к Вере с подарком. Вместо обещанного платка в её чемодане оказываются вещи мужа Веры. Двое самых близких людей отдыхали вместе за её спиной, и теперь Вере предстоит узнать, как далеко зашёл их обман....

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Маша Дубровская

Измена. Вера, Надежда и Кирилл

Глава 1

Вера

Не зря говорят : “Понедельник - день хреновый”. Согласна с этим на все сто. А как иначе? Ведь именно сегодня, в понедельник, моя кофемашина — дорогушая итальянская зараза, которую я купила в офис год назад и которая до сегодняшнего дня работала безупречно, вдруг решает, что именно сейчас ей нужен выходной. Я стою перед ней с пустой чашкой в руках и размышляю, что, может быть, это знак, и что вселенная пытается мне что-то сказать? Но у меня нет времени разгадывать её послания, потому что через два часа презентация для клиента, а флорист до сих пор не подтвердил доставку цветов.

Моя кейтеринговая компания — это моя жизнь. Десять лет назад я начинала с того, что готовила канapé на дому и развозила их на своей старенькой чихающей Шкоде. А теперь у меня офис в центре Москвы, штат из тридцати сотрудников и контракты, о которых я не могла даже мечтать. Корпоративы крупных компаний, свадьбы за миллионы, частные вечеринки для людей, чьи фамилии мелькают в светской хронике — всё это проходит через мои руки, и я горжусь каждым мероприятием, которое мы организовываем, потому что делаем мы их идеально.

Правда, за эти десять лет я, кажется, забыла, как жить вне работы, но об этом я стараюсь не думать.

Секретарь Леночка приносит мне кофе из соседней кофейни — спасительница, и кладёт на стол стопку документов на подпись. Я благодарю её кивком, делаю глоток обжигающего латте и погружаюсь в привычный рабочий ритм: звонки, письма, согласования, правки, снова звонки. В этом есть что-то медитативное, когда ты настолько погружена в процесс, что перестаёшь думать о чём-то другом, перестаёшь чувствовать, просто работаешь, как хорошо отлаженный механизм.

Кирилл говорит, что я трудоголик. Говорит с укором, временами с обидой, а иногда даже со злостью — мол, ты вечно на работе, тебя никогда нет дома, Леся растёт без матери. Это несправедливо, и он это знает, потому что я провожу с дочкой каждую свободную минуту! Просто этих минут не так много, как хотелось бы. Но ведь кто-то должен зарабатывать деньги?

Я отгоняю эти мысли и возвращаюсь к работе. Субботняя свадьба — двести гостей, площадка в загородном отеле, бюджет, от которого у меня до сих пор кружится голова. Невеста хочет «атмосферу тосканской виллы», и мы делаем ей эту атмосферу — оливковые ветви, белые пионы, лимоны в вазах, меню с пастой и тирамису. Флорист наконец перезванивает и подтверждает доставку, я выдыхаю с облегчением и ставлю галочку в своём бесконечном списке дел.

За окном шумит Москва — гудки машин, голоса людей, вечный городской фон, к которому привыкаешь настолько, что перестаёшь замечать. Я люблю свой офис, люблю вид из окна на бульвар, люблю запах свежих цветов, которые стоят в вазе на ресепшине, люблю ощущение контроля, которое даёт мне эта работа. Здесь я знаю, что делаю. Здесь у меня всё получается. Здесь я — не жена, которая слишком много работает, и не мать, которая слишком мало времени проводит с ребёнком, не сестра и дочь, которая вечно всех содержит. Здесь я — Вера Краснова, владелица «Красной линии», и с этим никто не спорит.

Дверь в кабинет распахивается, и влетает Надя - моя сестра-близняшка, которая числится у меня помощником бренд-шефа и которая должна была вернуться из отпуска только завтра.

— Верусик! — она влетает в кабинет, загорелая, сияющая, с огромным чемоданом на колёсиках, который грохочет по паркету. — Привет! Я прямо из аэропорта, не могла дожидаться, пока тебя увижу!

Я смотрю на неё и в очередной раз поражаюсь тому, как два человека могут быть так похожи внешне и так различаться внутри. Мы с Надей — идентичные близнецы, одно лицо, одна фигура, одни и те же серо-зелёные глаза и рыжие волосы. Но если посадить нас рядом, никто не перепутает — я в строгом костюме, с собранными волосами и планшетом в руках, она в летящем платье, с локонами до плеч и вечной мечтательной улыбкой. Мама всегда говорила, что я родилась первой и забрала себе всю серьёзность, а Наде досталась вся мягкость. Наверное, так и есть.

— Надюш, — я встаю из-за стола, обнимаю её, чувствую запах солнца и кокосового масла на её коже. — Как отдохнула? Как море?

— Божественно! — она закатывает глаза в притворном экстазе. — Ты не представляешь, какая там вода, какой песок, какие закаты! Я тебе кучу фотографий покажу, и подарков привезла — тебе, Лесечке, маме, Любке...

Она тараторит, не переставая, а я смотрю на неё и думаю о том, что хорошо быть Надей, хорошо жить в мире, где можно просто поехать на море и ни о чём не думать, не переживать о контрактах и поставщиках, не просыпаться в три часа ночи от тревоги, что что-то пойдёт не так. Надя числится среди моих наемных работников, но по факту ее работа — это просто способ занять время между настоящей жизнью: кулинарными экспериментами, сериалами и посиделками с подружками. Она мечтает выйти замуж и родить детей, и я уверена, что она будет прекрасной матерью и женой — тёплой, уютной, домашней, всем тем, чем я не являюсь и никогда не буду.

— Сейчас - сейчас, — Наденька возится с чемоданом, пытаюсь его открыть. — Я тебе такой платок привезла, ты умрёшь! Шёлк, ручная роспись, я как увидела — сразу поняла, что это твоё...

Она наконец справляется с молнией и откидывает крышку чемодана в тот момент, когда я подхожу ближе, готовая восхищаться платком, магнитиками и прочей ерундой, которую обычно привозят из отпуска. Но вместо этого приклеиваюсь к полу и не могу сделать ни одного вдоха, как будто меня ударили под дых.

В чемодане нет платка. И магнитиков там тоже нет. В чемодане — мужская одежда: поло, джинсы, бритвенный станок в косметичке бежевого цвета, который я узнаю с первого взгляда, потому что сама покупала ее мужу на прошлый день рождения.

Мой муж сейчас в командировке в Махачкале. На переговорах с потенциальными партнёрами. Он должен вернуться сегодня вечером, и я собиралась встретить его ужином и разговором о том, что нам нужно больше времени проводить вместе. Я даже записала это в ежедневник, как будто семейное счастье можно запланировать между звонком флористу и встречей с клиентом.

Но вещи моего мужа — в чемодане моей сестры, которая только что вернулась из отпуска на побережье моря, где она была одна. По крайней мере, так она говорила.

— Это... — я слышу свой голос как будто со стороны, тихий, хриплый, чужой. — Это чемодан Кирилла.

Надя смотрит на содержимое чемодана, и я вижу, как румянец сходит с её загорелого лица, как расширяются зеленые глаза, как она открывает рот и не может произнести ни слова.

И мне не нужно никаких объяснений. Мне не нужно слышать извинения или оправдания. Всё складывается само — шелк - шелк - шелк, как пазл, который я не хотела собирать.

Год назад мы втроём — я, Кирилл и Надя — купили одинаковые чемоданы по акции, смеялись ещё, что будем путать на ленте в аэропорту, привязывали разноцветные ленточки,

чтобы различать. Жёлтая — моя. Зелёная — Кирилла. Красная — Нади. На этом чемодане — зелёная ленточка.

Она взяла его чемодан. Она отдыхала с моим мужем. Мой муж врал про Дагестан, а сам лежал на пляже с моей сестрой.

— Вера, — сестра наконец обретает голос, и в нём — чистая паника. — Вера, я могу объяснить, это не то, что ты думаешь...

Но я уже не слушаю. Я смотрю на чемодан, на вещи мужа, на лицо своей сестры и чувствую, как что-то ломается у меня внутри. Что-то, что держало меня на плаву все эти годы, что заставляло работать по шестнадцать часов в сутки и верить, что всё это имеет смысл.

Надя вдруг хватает телефон и выбегает из кабинета, даже не закрыв чемодан. Я знаю, кому она звонит! Сейчас она предупредит Кирилла, что они прокололись и что я всё знаю.

А я стою посреди своего идеального офиса, пялясь на чемодан мужа и думаю только об одном: Леська сейчас в детском саду, рисует пальчиковыми красками и не знает, что её мир только что треснул.

Как, впрочем, и мой.

Как будто сквозь толщу воды слышу, как звонит телефон — наверное, флорист, или клиент, или кто-то ещё из моей правильной, расписанной по минутам жизни.

Впервые за десять лет я не отвечаю на рабочий звонок.

Впервые за десять лет я понятия не имею, что делать дальше.

Глава 2

Вера

До конца рабочего дня я существую на автопилоте. Провожу презентацию — клиент доволен и подписывает контракт. Отвечаю на письма, согласовываю меню, улыбаюсь Леночке, когда она приносит документы. Делаю всё, что должна делать Вера Краснова, владелица «Красной линии», успешная бизнесвумен, у которой всё под контролем.

Только внутри меня — выжженная пустыня. И чемодан с зелёной ленточкой, который так и стоит посреди кабинета, потому что я не могу заставить себя к нему прикоснуться.

Надя не возвращается, не звонит и не пишет. Впрочем, я и не жду.

В шесть часов забираю Лесю из детского сада. Она выбегает ко мне — пятилетний вихрь с рыжими косичками и перемазанными краской пальцами — и бросается на шею.

— Мамочка! А мы сегодня лисовали моле! Синее-синее! И я нарисовала лыбку, и воспитательница сказала, что у меня талант!

— Умница моя, — я прижимаю её к себе, вдыхаю запах детского шампуня и пластилина, и думаю о том, что ради этого человечка я готова на всё. На всё, кроме одного — притворяться, что ничего не произошло.

— А папа уже велнулся из комалд... комалди...

— Командировки, — подсказываю. — Не знаю, Лесенька. Он еще не звонил.

Дома я кормлю дочку ужином, купаю и читаю сказку. Обычный вечер, обычные ритуалы. Только руки почему-то не перестают дрожать, и я дважды роняю книжку, пока читаю про Дюймовочку.

— Мамаська, ты заболела? — Лесья смотрит на меня серьёзными глазками.

— Нет, малыш. Просто устала.

— Тогда тоже ложись спать. И тебе станет лучше.

Если бы всё было так просто.

Укладываю дочку, выхожу в гостиную и сажусь на диван. Часы показывают восемь, потом девять, потом десять. Я не включаю телевизор, не беру в руки телефон, а просто сижу в темноте и смотрю на дверь.

Ключ поворачивается в замке в половине одиннадцатого.

Кирилл входит — без чемодана, без сувениров из «командировки», без привычного «Привет, дорогая, как ты тут без меня?». Он останавливается на пороге гостиной, и я вижу в полумраке его лицо.

— Вера, — начинает он, и в его голосе нет ни капли раскаяния. — Нам надо поговорить.

Он проходит в комнату и включает свет. Я щурюсь от резкой яркости. Он садится в кресло напротив — не рядом со мной, а напротив, как на переговорах, как будто мы враги, обсуждающие условия капитуляции.

— Да, я был с Надей, — говорит он спокойно, как будто сообщает прогноз погоды. — Мы полгода вместе и я не собираюсь извиняться.

Я все еще молчу. Жду дальнейших признаний.

— Надя другая, понимаешь? — он подаётся вперёд, и в его голосе появляется что-то похожее на страсть. — Она тёплая, домашняя, она меня понимает. Она не смотрит вечно в телефон, не отвечает на рабочие звонки в десять вечера, не засыпает над документами. Она умеет быть женщиной. А ты... ты умеешь только работать.

— Я работаю, чтобы оплачивать твои инвестиции, — пытаюсь говорить спокойно, хотя внутри всё кричит. — Твою машину, твои костюмы и твой образ жизни.

— Вот! — он вскакивает и тычет в меня пальцем. — Вот! Ты вечно попрекаешь! Вечно считаешь, кто сколько вложил! Надя не такая. Надя просто любит, без условий и без подсчётов.

— Надя живёт на зарплату, которую плачу ей я, — произношу тихо. — Как и ты. Как и мама. Как и Люба. Вы все живёте на мою зарплату, и никто из вас не сказал мне спасибо ни разу за десять лет.

— Вот опять! Видишь? — он усмехается. — Ты даже сейчас не можешь не посчитать, кто и сколько тебе должен!

Я встаю. Ноги держат — и это уже победа.

— Значит так! Если ты думаешь, что я клюну на твои обвинения - ты ошибаешься! Быстро собирай вещи и проваливай к своей Наде!

— Что? — он смотрит на меня так, будто не понял.

— Убирайся из моего дома.

— Это и мой дом тоже, — его голос становится жёстким. — Квартира куплена в браке и неважно, на чьи деньги. По закону — половина моя.

— Тогда я уйду.

— Да вообще без проблем! Вперед! — он садится в кресло и закидывает ногу на ногу.

Я иду в спальню, достаю из шкафа чемодан с жёлтой ленточкой — и начинаю бросать в него вещи. Все, что попадает под руку — джинсы, свитера, бельё. Затем открываю шкаф в коридоре и достаю оттуда Лесину одежду.

Кирилл стоит в дверях и смотрит.

— Ты не заберёшь Лесю!

— Еще как заберу, — огрызаюсь, застёгивая чемодан.

— Я её отец!

— Отец, который полгода изменял её матери с её родной тёткой, — я поднимаю голову и смотрю ему в глаза. — Думаешь, судья на это не обратит внимания?

Он бледнеет. Впервые за весь разговор я вижу на его лице страх.

Захожу в детскую. Леся спит, её рыжие волосы — такие же, как у меня и как у Нади — рассыпались по наволочке. Я глажу её по голове, и она открывает глаза.

— Мама?

— Лесенька вставай, нам надо уехать.

— Куда? — она садится в кровати, сонная, тёплая, ничего не понимающая.

— В гостиницу. Это будет как приключение, хочешь?

— А папа приехал?

— Приехал, но он останется дома.

Она смотрит на меня, хмурится, но потом кивает.

— Холошо. Только Ушастика возьмём?

— Уже взяла, — вытягиваю плюшего зайца из под одеяла.

Одеваю дочку и беру на руки, вместе с Ушастиком. Кирилл стоит в коридоре, и я чувствую его взгляд спиной, но не оборачиваюсь. Не могу. Если обернусь — закричу, или заплачу, или скажу что-то такое, что Леся не должна слышать.

Когда мы выходим на улицу, холодный ветер кусает за щеки. Олеська прикрывает руками лицо, а я одной рукой помогаю ей, а другой тащу чемодан. Мы садимся в холодную машину, я быстро завожу ее, чтобы не озябнуть окончательно, и через пять минут мы едем в гостиницу. Деньги есть, слава богу. Хотя бы в этом я могу на себя положиться.

В номере Леся сразу засыпает — устала от неожиданного ночного приключения. Я укрываю её одеялом, сажусь рядом на краешек кровати и смотрю, как она спит. Маленький человек, который ещё ничего не понимает и который завтра спросит, почему папа не с нами. А я не буду знать, что ответить.

Достаю телефон. Руки снова дрожат, но я заставляю себя набрать номер.

— Вера? — голос мамы сонный, недовольный. — Ты знаешь, сколько времени?

— Знаю. Мам, Кирилл мне изменял с Надей, — говорю я тихо, пытаюсь не разреветься.

Конечно, я жду сочувствия, возмущения, материнского «Да как он посмел!», чего угодно.

— С нашей Надей? — мама переспрашивает, будто не расслышала.

— Да. Они, оказывается, вместе ездили на море.

— Ну, Верочка... — мамин голос звучит виновато, как будто она вынуждена сообщить мне неприятную правду. — А что ты хотела? Мужу надо уделять внимание. Ты же вечно на работе. А Наденька... она домашняя, уютная. Мужчины это ценят.

Я не могу поверить в то, что слышу.

— Может, тебе с Кириллом надо просто сесть и по-хорошему поговорить? — продолжает мама. — Разобраться? Наверное, он просто почувствовал себя ненужным, вот и...

— Спокойной ночи, мама.

Отключаю звонок. Руки больше не дрожат — они ледяные, как будто вся кровь отлила от них.

Набираю Любу. Старшая сестра всегда казалась мне разумной и справедливой. Она точно должна быть на моей стороне.

— Верка? Тебе чего не спится?

— Ты знала?

— О чём?

— О Наде и Кирилле.

Сестра громко вздыхает:

— Вер, послушай...

— Ты знала?! — восклицаю я.

— Они просили не говорить. Сказали, что вы сами разберётесь. И вообще... — Люба вздыхает. — Ты же сама виновата. Надо было меньше работать и больше быть женой. Мужчина — это же как цветок, его поливать надо.

Отключаюсь, не прощаясь.

Сию в темноте гостиничного номера, смотрю на спящую дочь и пытаюсь понять, как я оказалась здесь. Я, которая всех содержит. Мама уже на пенсии и конечно же ей не хватает, и я помогаю! Люба взяла ипотеку, которую не потянула, и теперь ее плачу я. Надя работает у меня, хотя она никакой не помощник бренд-шефа, а просто моя сестра, которой нужно было куда-то приткнуться. Она и в офисе появляется всего пару дней в неделю на пару часов! Кирилла тяну на себе десять лет, пока он ищет себя и инвестирует в провальные проекты.

И вот их благодарность.

Леся ворочается во сне, обнимает зайца и бормочет что-то неразборчивое. Потом открывает глаза.

— Мама? Ты плачешь?

Я и не заметила, как разрыдалась! Вытираю щёки и улыбаюсь.

— Нет, малышка, всё хорошо.

— Мамочка, — она садится в кровати и смотрит на меня серьёзно, по-взрослому. — Я очень тебя люблю и не блошу!

Я обнимаю её так крепко, что она пищит.

— Задушишь!

— Прости, малыш, — отпускаю, но не отодвигаюсь. — Ты мой самый главный человек на свете, помни это, ладно?

— Ладно, — она зевает. — А завтра можно сылники на завтрак?

— Можно всё, что захочешь.

Она засыпает, а я сижу рядом и думаю о том, что в целом мире у меня осталась только она. Пятилетняя девочка, которая любит меня ни смотря ни на что!

И ради неё я справлюсь.

Глава 3

Вера

Ночь в гостинице проходит без сна. Я лежу рядом с Лесей, смотрю в потолок и прокручиваю в голове последние полгода, пытаюсь понять, как я могла не заметить. Были ли знаки? Наверняка были. Слишком частые «командировки» Кирилла, постоянно весёлые глаза Нади, когда она забегала к нам в гости, и много совпадений, которые я списывала на случайность, потому что мне было некогда думать, анализировать и вообще жить.

В шесть утра я сдаюсь и встаю. Делаю себе кофе из маленькой кофемашины, сажусь у окна и смотрю, как просыпается Москва. Город живёт своей жизнью — машины, люди, суета — и ему нет никакого дела до того, что Вера Краснова потеряла всё, во что верила.

В семь просыпается Леся.

— Мама, а где сылники?

— Сейчас закажем, малышка. В этой гостинице есть ресторан, там делают очень вкусные.

Мы спускаемся на завтрак, и Леся немного оживает — здесь есть детский уголок с игрушками, и официанты улыбаются ей, и сырники приносят с малиновым вареньем и взбитыми сливками. Она ест и болтает про Ушастика, который тоже хочет сырник, и я машинально киваю и натянуто улыбаюсь, отвечаю что-то, а сама думаю о том, что надо позвонить Майе.

Майя Свиблова — моя единственная настоящая подруга. Мы познакомились десять лет назад, когда обе только начинали свой бизнес: я готовила канапе, она продавала свою первую квартиру. Теперь у неё агентство недвижимости с офисом на Цветном бульваре, а у меня — «Красная линия». Мы обе знаем, каково это — строить что-то с нуля, работать по двадцать часов в сутки, слышать от окружающих, что женщине не место в бизнесе.

Майя поймёт. Майя всегда меня понимает.

После завтрака отвожу Лесю в детский сад — жизнь продолжается, контракты сами себя не выполняют, а субботняя свадьба никуда не денется. Целую дочку, обещаю забрать вечером и сажусь в машину.

Звоню Майе.

— Краснова! — её голос бодрый, деловой. — Ты чего в такую рань? Случилось что?

— Случилось.

Майя знает меня слишком хорошо, чтобы не уловить интонацию.

— Где ты? - резко спрашивает она.

— Еду в офис.

— Разворачивайся. Через полчаса жду тебя у себя. И захвати что-нибудь сладенькое — у меня только кофе.

— Майя, у меня работа...

— Краснова, — её голос становится мягче. — Работа подождёт. Разворачивайся.

Через сорок минут я сижу в её кабинете — светлом, с панорамными окнами и видом на здание ФСБ. На столе — коробка эклеров, которые я купила по дороге, и две чашки крепкого кофе. Майя сидит напротив, скрестив длинные ноги в дорогих лодочках, и слушает.

Я рассказываю про чемодан с зелёной ленточкой, про Надино лицо, когда она поняла, что прокололась и про Кирилла, который даже не попытался извиниться. Не забываю про маму с её «мужчинам нужно внимание» и Любу с её «ты сама виновата».

Когда заканчиваю, Майя молчит. Потом встаёт, подходит к бару в углу кабинета и достаёт бутылку коньяка.

— Ещё даже не десять утра, — говорю.

— Мне плевать, — она наливает два бокала и ставит один передо мной. — Пей.

— Майя...

— Пей, я сказала.

Я делаю глоток. Коньяк обжигает горло, и это почему-то помогает — как будто огонь внутри выжигает часть боли.

— Значит так, — Майя садится обратно и смотрит на меня. — Во-первых, ты не виновата. Запомни это и повтори. Давай, я жду.

— Я не виновата, — говорю тихо.

— Громче, — требует подруга.

— Я не виновата.

— Вот так, — она кивает. — Потому что это правда. Ты работала, чтобы обеспечить семью. Ты содержала всех этих... — она делает паузу, подбирая слово, — ...паразитов, которые сидели на твоей шее и ещё имели наглость тебя критиковать. Ты не виновата в том, что твой муж оказался подонком, а твоя сестра — предательницей.

Глаза щиплет. Я моргаю, пытаюсь сдержать слёзы.

— Во-вторых, — продолжает Майя. — Тебе нужен хороший адвокат по разводам. У меня есть контакт — Игорь Ветров, лучший в Москве. Он выпотрошит твоего Кирилла так, что тот будет жалеть, что родился.

— Я не хочу войны...

— А придётся, — Майя перебивает жёстко. — Он уже объявил войну, когда сказал, что квартира наполовину его. Ты платила ипотеку?

— Да.

— Своими деньгами?

— Да.

— Я уверена, что у тебя есть все чеки, переводы и выписки?

— Есть. Все в моей бухгалтерии...

— Отлично, — она тоже делает глоток коньяка. — Тогда эта квартира — твоя. И мы это докажем.

Я смотрю на свою подругу и понимаю, что горжусь ею. В семь утра она уже в идеальном макияже и деловом костюме, строит империю и не извиняется за свой успех. Майя ни разу за десять лет не сказала мне, что я слишком много работаю или недостаточно женственная.

— Спасибо, — говорю, и голос ломается.

— Не за что, — Майя встаёт, обходит стол и обнимает меня. — Ты моя лучшая подруга. Думала, я тебя брошу?

Я плачу. Впервые за сутки — по-настоящему плачу, не сдерживаясь, не пряча слёзы и не притворяясь сильной. Майя держит меня и молчит, и это именно то, что мне нужно — не советы, не утешения, просто кто-то рядом, кто на моей стороне.

Когда слёзы заканчиваются, она протягивает мне салфетку.

— Тушь потекла.

— Плевать.

— Вот это правильный настрой, — Майя улыбается. — А теперь слушай план. Сегодня ты едешь на работу и делаешь всё, что должна.

— У меня свадьба в субботу, — киваю я.

— Значит, ты делаешь эту свадьбу идеально, как всегда. Потому что ты — Вера Краснова, и ты профессионал, и никакой козёл с его любовницей не разрушит то, что ты строила десять лет.

Я снова киваю.

— Завтра созвонимся с Ветровым, я договорюсь о встрече. Послезавтра — посмотрим квартиру для тебя и Леси, временную, пока не разберёмся с разделом имущества. У меня есть отличный вариант в твоём районе, чтобы Леське не менять садик.

— Майя, я могу сама...

— Можешь, — она перебивает. — Но не будешь. Потому что у тебя есть я, и я не позволю тебе через это проходить в одиночку. Вопросы?

Я качаю головой.

— Вот и отлично, — она смотрит на часы. — А теперь вытри нос, припудри носик и езжай работать.

- Ой, у меня же еще четыре дня гастрономический фестиваль!

— Вот и отлично! Как раз развеешься там. Давай, вперед. И позвони мне вечером, расскажешь, как прошёл день.

Я встаю, подхожу к зеркалу в углу кабинета и смотрю на своё отражение. Красные глаза, потёкшая тушь, бледное лицо. Но в глазах — решимость.

Достаю из сумки косметичку и начинаю приводить себя в порядок.

— Вера, — Майя окликает меня от двери. — Ещё одно.

— Да?

— Твоя мать и сёстры... — она делает паузу. — Они тебе не семья. Семья — это те, кто рядом, когда плохо. А не те, кто втыкает нож в спину и говорит, что ты сама виновата.

Я молчу.

— Леся — твоя семья. Я — твоя семья. И этого достаточно.

Она отворачивается к окну, давая мне время собраться, а я стою перед зеркалом и повторяю про себя, как мантру: «Я не виновата. Я не виновата. Я не виновата».

Может быть, если повторить достаточно много раз — я в это поверю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.